

Екатерина Мельникова

Алейда Ассман. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с. ISBN 978-5-4448-0146-8.

Алейда Ассман. Новое недовольство мемориальной культурой. Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 223 с. ISBN 978-5-4448-0516-9.

Алейда Ассман. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. Пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с. ISBN 978-5-4448-0648-7.

Екатерина Мельникова – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии восточных славян и народов европейской части России, Кунсткамера (Санкт-Петербург). Адрес для переписки: МАЭ РАН (Кунсткамера), Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. telek@eu.spb.ru.

Говорят, мы живем в эпоху третьей волны *memory studies* (Hutton 2016:93) – и этим слухам стоит верить. Результатом нового витка увлечения проблемами памяти стало создание трудночитаемого историографического палимпсеста, включающего сотни отдельных кейсов и обобщающих работ, снова и снова интерпретирующих и переинтерпретирующих мемориальное наследие двух первых волн. Исследования памяти, кажется, добрались до той точки, в которой оказались когда-то *gender studies*, также столкнувшиеся с проблемой волнового движения. Три книги Алейды Ассман, опубликованные издательством «Новое литературное обозрение» (НЛО) в течение трех лет, можно считать данью этому удивительному процессу.

Перевод и издание нескольких монографий одного и того же автора в НЛО имеет серьезные последствия для российского академического пространства. Издательство до сих пор остается главным законодателем мод на рынке гуманитарной российской науки и одним из центральных институтов академической канонизации. Три позиции, отданные Ассман на этом подиуме, безусловно закрепляют за ней место в российском историографическом пантеоне. В то же время специфика издательского процесса приводит к важному противоречию: антология международной классики, которая складывается в русскоязычном пространстве во многом благодаря деятельности НЛО, по понятным причинам оказывается неполной и даже искаженной: издательство не может (да в этом и нет необходимости) издать на русском языке всю или хотя бы основную англоязычную литературу. В этом наблюдении нет упрека. С аналогичными проблемами сталкиваются все национальные академии, существующие вне англоязычного мира. Однако особенность этого процесса стоит учитывать: книги Ассман и примыкающая к ним монография Александра Эткинда «Кривое горе» (2016), опубликованные НЛО в

последние годы, фиксируют в российском пространстве сам факт новой волны мемориальных исследований, но не только не охватывают, но даже и не представляют эту волну российскому читателю.

Несмотря на то, что Ассман обращается к проблемам, широко обсуждаемым в современных исследованиях памяти, ее работы опираются на традиции, сложившиеся в 1980–1990-е годы и ассоциирующиеся со второй волной мемориального бума, инициированной проектами Пьера Нора и его последователей. Издавая в 2011 году антологию исследований по коллективной памяти, Джеффри Олик, Веред Винитцкий-Серусси и Дэниел Леви представили Ассман как немецкого теоретика, чьи работы все еще недостаточно полно представлены на английском языке (Olick, Vinitzky-Seroussi, and Levy 2011:334). С тех пор на английский была переведена целая серия книг Ассман (A. Assmann 2011, 2012, 2016) и опубликовано несколько англоязычных сборников, вышедших под ее редакцией. Но в англоязычную академию эти книги вошли наряду с работами Марианн Хирш, Джеффри Олика, Доминика ЛаКапра, Яэль Зерубавель, Джеффри Александера и многих других, чьи тексты, не считая отдельных статей и фрагментов монографий, не были переведены на русский. Повторюсь: я не думаю, что нужно переводить всю аналитическую литературу, изданную на английском, но и считать опубликованные русские переводы представительным корпусом международной историографии также не стоит.

Понятие «немецкий теоретик», использованное в антологии 2011 года, имеет не только формальное значение. Работы Ассман, безусловно, обладают ярким колоритом национальной историографии. Немецкая научная школа, так же как, например, французская и российская, сохраняют свою собственную, автономную от англоязычного мира академию, интенсивно развивающуюся и создающую внутренний плацдарм для дискуссий. Реплики, попадающие в международное пространство, часто имеют дублирующую функцию или являются «верхушкой айсберга» внутринациональной историографии. Книги Ассман не только всегда посвящены феномену немецкой национальной памяти, не только опираются почти исключительно на немецкоязычную литературу, но и обращены в первую очередь к немецкоязычной аудитории, знакомой с национальной традицией и языком обсуждения. Из-за этого при чтении работ Ассман нередко возникает ощущение случайно подслушанного разговора, свидетельствующего скорее о существовании другого, незнакомого, но давнего и трудного диалога, чем раскрывающего этот диалог.

Три книги Ассман, вышедшие впервые на немецком языке в 2006 и 2013 годах, показывают почти десятилетнюю историю размышлений автора на темы, связанные с мемориальной политикой, культурной памятью и мемориальной культурой. В той или иной степени истоком этих рассуждений остается совместная работа Ассман – литературного критика, изучавшей английскую литературу в Гейдельберге и Тюбингене, а затем работавшей в университете Констанца, – с мужем Яном Ассманом – известным египтологом из Гейдельберга. Еще в 1980-е годы Ассманы опубликовали несколько совместных статей и сборников, посвященных специфике средств коммуникации и их связи с памятью. Теория «культурной па-

мяти», представленная в книге Яна Ассмана 1992 года (J. Assmann 1992) (переведена на русский язык в 2004 году), нередко считается результатом их совместной работы (Erll 2011:13), а многие темы, затронутые в этой книге, легли в основу дальнейших исследований Алейды Ассман. К их числу относится и собственно понятие «культурная память», которому посвящены многие исследования автора, и вопрос о связи между нацией и памятью, и тема соотношения индивидуальных воспоминаний и коллективной памяти.

Все эти вопросы стали центральными в книге «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» (2014) и легли в основу двух других книг, переведенных в НЛО: «Новое недовольство мемориальной культурой» (2016) и «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна» (2017).

«Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» – фундаментальная теоретическая работа, посвященная обоснованию подходов и терминов для анализа феномена социальной памяти. Если в англоязычную среду Ассман вошла как теоретик с книгой «Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives»¹, то в русскоязычной академии аналогичную функцию выполняет «Длинная тень прошлого».

На обложку немецкого и английского изданий книги помещен снимок Бранденбургских ворот с проекцией ворот концлагеря Аушвиц. Изображение было сделано во время инсталляции немецкого художника Хорста Хоайзеля, приуроченной к первой годовщине Дня памяти жертв Холокоста 27 января 1997 года – с рассказа об этом художественном проекте и начинается книга. Не знаю, по каким причинам НЛО не воспользовалось ярким образом, символизирующим соединение двух ключевых мест немецкой национальной памяти, но именно вокруг него выстроена книга Ассман, обращенная к тем процессам и механизмам, которые сделали возможным подобное соединение.

Книга состоит из двух частей: первая представляет результат теоретической работы над системой базовых понятий, вторая – анализ конкретных тем и фактов новейшей истории. Работа затрагивает если не полный, то весьма представительный спектр вопросов и проблем мемориальных исследований, знакомя читателей с ключевыми местами современной «проблемной памяти» Европы: роль Холокоста в качестве европейской рамки памяти, общеевропейский поворот от «са-

¹ Игры переводов остаются одним из самых любопытных казусов научного пространства. Например, книга Ассман «Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses» вышла на английском с новым названием – «Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives», образуя, таким образом, пару с книгой ее мужа Яна Ассмана «Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination», переведенной в том же 2011 году. В немецком оригинале две эти книги не были связаны ни по названию, ни по времени выхода. Оригинальное название книги Яна Ассмана – «Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen». Однако в англоязычной среде монографии выступили как две части одного целого, что в свою очередь позволило Патрику Хаттону четко разграничить сферы интересов авторов: «Ассманы анализируют формирование культурной памяти в ключевые эпохи западной цивилизации: Ян – в античности, Алейда – в современности» (Hutton 2016:81).

крифицированных к виктимизированным формам памяти», «медиализация» памяти, связанная с распространением новых средств массовой информации, поколенческий разрыв, вызванный уходом поколения «свидетелей» и другие.

Вместе с тем главным предметом изысканий и основным их источником для Ассман остается Германия и специфика немецкой коллективной памяти. Среди обсуждаемых кейсов много нашумевших дел, включая скандал с Биньямином Вилкомирским, чья автобиографическая книга о детстве, проведенном в концлагерях, оказалась художественным вымыслом; дело Ганса Шверте, оказавшегося совсем не тем человеком, за которого он себя выдавал многие годы; история Филиппа Йеннингера, вынужденного уйти в отставку после речи, произнесенной на мемориальном собрании в бундестаге. Каждый из этих случаев мог бы стать самостоятельным сюжетом книги, но Ассман не разматывает клубок отдельных историй, а сшивает множество разрозненных лоскутков в пестрое одеяло коллективной памяти, на которую падает тень «травматического прошлого».

Несмотря на то, что Ассман подчеркивает свой интерес к динамике индивидуальных и коллективных воспоминаний, собственно индивидуальной памяти в работе крайне мало, что характерно и для других работ автора, чей литературоведческий опыт диктует выбор источников – художественных текстов, мемуаров, речей и опубликованных высказываний. В первую очередь книга Ассман рассказывает о противоречиях и трансформациях коллективной – политической и национальной (эти понятия используются в работе как синонимы) – памяти второй половины XX – начала XXI веков, лежащей в тени грандиозных травм двадцатого столетия – Второй мировой войны, Холокоста и колониализма.

В первой части книги Ассман рисует сложно устроенное тело памяти, выделяя в нем разные элементы и определяя различные формы его существования. Ассман говорит о трех измерениях, в которых существует память – нейронном, социальном и культурном; трех факторах, под воздействием которых она складывается – носитель, среда и опора; и четырех форматах в которых она действует, – индивидуальная, социальная, политическая и культурная память.

Предложенная структура должна выполнять в работе функцию общей рамки, однако на практике существует более или менее автономно от разбора конкретных кейсов, дополняется и перестраивается по мере обсуждения отдельных тем и вопросов.

Следуя тому же структурному подходу, Ассман активно пользуется бинарными оппозициями, противопоставляя накопительную память функциональной; память победивших – памяти побежденных, а саму эту оппозицию – оппозиции памяти преступников и памяти жертв. Ассман выделяет два значения «жертвы» – активное и пассивное, две формы «предписанного забвения» – проклятие и амнистия; определяет понятия «я-память»/«меня-память» и модели «след»/«колея».

Вполне отдавая себе отчет в невозможности вписать все многообразие мемориальных форм в одну непротиворечивую систему, Ассман постоянно подчеркивает отсутствие герметичных границ между разными видами и формами памяти, их взаимопроникновение, взаимодействие, взаимообусловленность и взаимоза-

висимость. Но, несмотря на все оговорки, структурная модель памяти предсказуемо приводит Ассман к простой двуступенчатой пирамиде: «существует национальный уровень с нормативно обозначенными рамками памяти и социальный уровень, где гетерогенные воспоминания о страданиях, вине и сопротивлении могут сосуществовать друг с другом, не нарушая общей целостности» (с. 127). Размещение этажей этого здания также вполне ожидаемо: «Институционализации предшествует процесс интерпретации и конкурентная борьба между различными трактовками, поскольку, прежде чем определенное содержание памяти будет поднято на ступень институционализации, необходимо принять соответствующее решение» (с. 150). Институции находятся сверху, а содержание памяти – снизу, поэтому памяти приходится подниматься вверх для того, чтобы оказаться в сфере внимания институций, которые в свою очередь «препарируют ее [культурную память] для последующего усвоения» (с. 150).

Уйти от бинарной модели не так-то просто. Добавление в конструктор новых кубиков не решает проблему, что и стало импульсом к третьей волне мемориальных исследований. Поиск других путей, требующих не только оговорок о пластичности и взаимопроникновении разных форм памяти, но и кардинального пересмотра самой исследовательской линзы, стал импульсом для исследований последних лет, лишь отчасти нашедших отголосок в работе Ассман (Erlл 2011a, 2011b; Feindt et al. 2014; Levy and Sznajder 2002; Olick 2007).

Вместе с тем Ассман чутко уловила и описала изменения, произошедшие с европейской политической памятью за последние полвека. Это, во-первых, переход «от сакрифицированных к виктимизированным формам памяти» (с. 47), который Ассман называет «этическим поворотом», а Джеффри Олик – переходом к политике покаяния (*politics of regret*) (Olick 2007). Во-вторых, появление модели «универсальной виктимизации», примером которой служит мемориал *Neue Wache*, стирающий различия между преступниками и жертвами и создающий «общность катастрофической судьбы, выпавшей всем, и расплывчатый пафос, который каждый посетитель мемориала может адресовать по собственному усмотрению» (с. 47).

Один из важных вопросов, обсуждаемых в книге, – это проблема включения в публичное пространство памяти жертвенных нарративов, не соответствующих официальной конъюнктуре, в частности, травматического опыта войны, увиденной глазами немецкого гражданского населения, чья память о «бомбардировке немецких городов, изнасиловании немецких женщин и принудительной депортации немцев из Восточной Европы» лишь недавно стала предметом публичного обсуждения (с. 114).

Еще одна сквозная тема книги – уход «поколения свидетелей», а вместе с ним «живой памяти-опыта», которая замещается другими медиализированными формами воспоминаний. Здесь становятся особенно заметны параллели с отечественными дискуссиями о сложившихся в России формах коммеморации военного прошлого. Осуждение, которое сегодня вызывают в среде российских интеллектуалов георгиевские ленточки, «Бессмертный полк» и другие формы популярной памяти сродни негодованию немецких авторов по поводу медийных форм репре-

зентации Холокоста (с. 147). И вывод, к которому приходит Ассман, может быть вполне актуален в российском контексте. Задолго до того, как состоялось перешагивание линии, за пределами которой люди, пережившие Холокост, и его очевидцы с их живой памятью-опытом умолкают, сформировалась базирующаяся на репрезентациях медиальная память о Холокосте, ставшая естественной составной частью нашей социальной и культурной среды, той среды, в которую вырастают будущие поколения. Будущее памяти уже началось» (с. 148).

Будущее памяти (а не только ее прошлое или настоящее) занимает важное место в работе Ассман. Препарируя те или иные кейсы, находя конфликтные и противоречивые места памяти, Ассман не хочет оставаться «одним из повествователей», предпочитая роль адвоката и судьи (с. 30). Эта удивительная склонность и готовность представлять интересы и защищать права памяти во многом определяет ход рассуждений автора: «Нельзя огульно дискредитировать ритуальные и символические формы коммеморации, как это сейчас бывает; память нуждается, с одной стороны, в фактической основе реальных мест действия и в архивах, а с другой – в художественной проработке. Памяти необходима опора в виде повторяющихся поводов и повторяемых жестов. Тот, кто радикально отвергает культурное оформление памяти, должен быть готовым к тому, что прошлое будет захлестывать его неконтролируемыми волнами» (с. 156). Неудивительно, что одним из главных итогов работы стали семь «правил толерантного обращения с коллективной памятью» (с. 160–170).

Вовлеченность Ассман в решение не только онтологических, но и вполне практических вопросов, связанных с коллективной памятью, не является уникальной особенностью автора, а свидетельствует о том явлении, которому посвящена вторая из переведенных НЛО книг – «Новое недовольство мемориальной культурой». В отличие от «Длинной тени прошлого» эта работа посвящена не созданию новой теории, а характеристике вполне определенного явления и полемике с теми авторами, у которых это явление вызывает острое чувство отторжения и страха. В то же время «Новое недовольство мемориальной культурой» – яркий пример отголоска дискуссии, которая ведется за пределами международной академии, а сама книга является частью феномена, которому она посвящена.

Ассман пишет о том, что «с 1990-х годов понятие “мемориальная культура” утвердилось в научных дискурсах, в выступлениях политиков, в публикациях СМИ и даже в повседневной разговорной речи» (с. 6). Однако явление, о котором в данном случае идет речь (успешнее, по мнению автора, «пережить смысловую инфляцию» (с. 29) и стать предметом недовольства, более того – «нового недовольства»), является весьма специфическим фактом немецкоязычного пространства. Астрид Эрлл связывает развитие этого термина с Германией 1990-х годов. Именно там, в университете Гизена, был создан в 1997 году междисциплинарный центр изучения мемориальных культур (Erinnerungskulturen), продолжающий свою работу до сих пор (Erll 2011:49). Понятие «мемориальная культура» можно встретить и в ряде англоязычных работ, но здесь оно употребляется, скорее, как обобщающий термин, синонимичный «коллективной» или «социальной памяти» в самом широком смысле. Тот же феномен, о котором пишет Ассман, исторически и нацио-

нально специфичен, что, безусловно, делает книгу интереснейшим источником информации о том, что происходит сегодня в области мемориальных дискуссий в Германии.

«Мемориальная культура», которой посвящена книга Ассман, – это проект «поколения 68-го года», получившего в Германии 1980–1990-х годов «интерпретативную власть» в сфере немецкой памяти. И сам этот проект, и его критику, появившуюся в последние годы, Ассман считает в первую очередь поколенческим конфликтом. Так же, как «мемориальная культура» стала результатом недовольства поколения «детей» существовавшими в Германии моделями памяти, и обвинявших «родителей» в «неумении скорбеть», следующее поколение недовольно выхолащиванием мемориальных практик и обвиняет шестидесятников в фальшивой памяти и скорби (с. 98).

Многие явления, о которых пишет Ассман, безусловно связаны с общими тенденциями в Европе второй половины XX века: формирование политики покаяния; острая конкуренция за право на интерпретацию травматического прошлого; уход со сцены поколения очевидцев, на смену которому пришло поколение детей, а теперь уже и внуков, знакомых с прошлым исключительно по его медийным образам; противоречия, с которыми сталкиваются мемориальные проекты в миграционных сообществах – все это темы, актуальные не только в Германии. Но вопрос о том, существует ли «мемориальная культура» за ее пределами, в какой степени это понятие приложимо к другим национальным и транснациональным контекстам, все-таки остается в этой работе открытым.

Отчасти ответом на него служит последняя из переведенных книг Ассман «Распалась ли связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна», в которой «мемориальная культура» встроена в глобальную историю темпоральных режимов. Следуя дорогой, проложенной Райнхартом Козеллеком, Полем Рикером, Франсуа Артогом, Хансом Ульрихом Гумбрехтом и Бруно Латуром, работы которых ознаменовали темпоральный поворот в гуманитарных науках 1980–1990-х годов, Ассман рисует грандиозную картину временных разломов: появление режима Модерна в конце XVIII века и рождение мемориальной культуры в конце 1980-х годов. Но если первый разрыв не вызывает особых исследовательских разночтений и ассоциируется с изобретением времени, его ускорением, формированием ожиданий от будущего и даже с заикленностью на будущем в ущерб прошлому, то современный разлом, свидетелями которому мы все являемся, остро обсуждается сегодня и уже получил множество интерпретаций.

Изменения в отношении к прошлому, ставшие очевидными в последние десятилетия, вызвали к жизни разные формы алармитских настроений. Конец XX столетия считается временем кризиса и крушения темпорального режима Модерна, нарушением взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим, исчезновением горизонтов ожиданий и заменой прошлого симулякрами памяти. Гумбрехт говорит о «расширяющемся настоящем», поглотившем и прошлое, и будущее. Артог – о «новом презентизме», ставшем результатом крушения будущего и банкротства линейного исторического мышления. Латур – о глобальной расстыковке Запада и Модерна в новом режиме настоящего, наступившем после 1989 года. Экспансия

индустрии наследия, утрата историками монополии на прошлое и одновременно появление новых мемориальных форм и новых общественных запросов от самой исторической науки – все это становится предметом страхов и считается причиной современного разрушения связи времен.

Анализируя существующие взгляды на современность, Ассман пытается взглянуть на процессы последней трети XX века с позиций теории культурной памяти, которая исходит из неразрывной взаимосвязи временных фаз (с. 219). Ни прошлое, ни будущее, по мысли Ассман, не могут умереть, а связь между временами не может порваться. «В этом смысле, – пишет автор, – мы переживаем сейчас не завершение и не крушение западного темпорального режима, а начало его обновления» (с. 197). Согласно оптимистичному взгляду Ассман, современный кризис является не «темпоральной патологией», а «нормализацией и реабилитацией именно тех аспектов, которыми догматически пренебрегал темпоральный режим Модерна» (с. 221). В первую очередь это касается травматического прошлого, востребованного в эпоху Модерна исключительно в контексте политики самоутверждения, базирующейся либо на героике и чести, либо на пафосе коллективного страдания (с. 246). По мнению Ассман, сегодня «маятник качнулся в обратную сторону; встроенные в темпоральный режим Модерна отказ от прошлого и заикленность на будущем сменились новыми формами реактуализации прошлого» (с. 221), открывающими возможности «для самокритичной рефлексии, теоретического обновления и культурного освоения нового темпорального режима» (с. 216).

Культурная память и мемориальная культура – темы книг «Длинная тень прошлого» и «Новое недовольство мемориальной культурой» – сплетаются вместе в исследовании «Распалась связь времен?». Пожалуй, самая открытая европейскому контексту и читателю книга проблематизирует современные мемориальные процессы в широком контексте глобальных изменений Модерна, доказывая легитимность современной мемориальной культуры и новых форм обращения с прошлым.

Исследование Ассман применимо и к российской действительности, где, по ее мнению, слышны различные голоса и видны различные конструкции памяти (с. 248–249). Нужно признать, что алармистские настроения по поводу существующих сегодня форм памяти также отчетливо просматриваются на горизонте отечественных дискуссий, и поэтому предложение Ассман перестать видеть в современной памяти катастрофу в полной мере относится и к российскому читателю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Эткинд, Александр. 2016. *Кривое горе: Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение.
- Assmann, Aleida. 2011. *Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives*. New York: Cambridge University Press.
- Assmann, Aleida. 2012. *Introduction to Cultural Studies: Topics, Concepts, Issues*. Berlin: Erich Schmidt.
- Assmann, Aleida. 2016. *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. New York: Fordham University Press.
- Assmann, Jan. 1992. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich: Verlag C. H. Beck.

- Erl, Astrid. 2011a. *Memory in Culture*. Houndmills, UK: Palgrave Macmillan.
- Erl, Astrid. 2011b. "Travelling Memory." *Parallax* 17(4):4–18.
- Feindt, Gregor, Félix Krawatzek, Daniela Mehler, Friedemann Pester, and Trimçev Rieke. 2014. "Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies." *History and Theory* 53(1):24–44.
- Hutton, Patrick H. 2016. *The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing: How the Interest in Memory Has Influenced Our Understanding of History*. New York: Palgrave Macmillan.
- Levy, Daniel, and Natan Sznaider. 2002. "Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory." *European Journal of Social Theory* 5(1):87–106.
- Olick, Jeffrey K. 2007. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York: Routledge.
- Olick, Jeffrey K., Vered Vinitzky-Seroussi, and Daniel Levy, eds. 2011. *The Collective Memory Reader*. New York: Oxford University Press.